

Ода к радости

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Культура. - 2004. - 16-22 дек. - с. 9

Венгеров неутомим: все время среди людей и все время в движении. И в его фразировке всегда есть внутренняя пульсация, которую может прочувствовать чуткий ансамблист или равный по сенсорной активности музыкант. С феноменальным турецким пианистом Фазилем Саем у Венгерова сложился удивительный альянс – это мы наблюдали в январе. Британский концертмейстер Иен Браун, с которым Максим приехал в этот раз, не пошел дальше прилежания и надежности.

У Венгерова всегда приветливый взгляд, словно он намерен сообщить что-то приятное. И он сообщает, если представляется возможность. Все, что он делает, выглядит естественно и рождается как будто из благих побуждений. Он – воплощенный позитив. Потому в драматических эпизодах даже трагических произведений он скорее искренне сочувствует подразумеваемому страдальцу, нежели пытается влезть в его шкуру. Беспременно трудное второе отделение нынешнего концерта он превратил в “концерт-сюрприз”, заявив исполнение виртуозных бисов на выбор (правда, не публики, а самих музыкантов). Это был фейерверк эмоций, посреди которых не угадывалось и намек на страдания. Нетрудно предположить, что оптимиста Венгерова разочаровывают фильмы и книги с плохим концом.

Венгеров – приятный собеседник и чуткий слушатель. В том же втором отделении он захотел быть не только музыкантом, но и ведущим: с юмором и в доступной манере, словно обращаясь к детям, Максим рассказывал о великих скрипачах-виртуозах (Веняском, Крейсере, Изаи, Паганини) и попавшем к ним в компанию идоле Венгерова Рахманинове.

Давая радость другим, он радуется сам, любит делать подарки. Потому, чтобы доставить себе несказанное удовольствие, отказался от гонорара за концерт, а заодно взял и преподнес Московской консерватории... клавесин. Отличный инструмент французской фирмы “Nagel”, вроде того, каким располагают “Виртуозы Москвы”. Почему

клавесин? “Я – неудавшийся пианист, – обескураживает Венгерова. – А Московская консерватория – мой дом родной. К тому же я уже два с половиной года занимаюсь барочной музыкой” (проводником Максима в мир барокко стал как раз клавесинист Тревор Пиннок). Как завел руководитель ФИСИИ, профессор Алексей Любимов, Максим, с его невероятной чуткостью, уловил суть насущных потребностей студентов.

Венгеров – романтик и эстет, который как консультант по эстетике – вне конкуренции. Потому он любит преподавание (в школе в Саарбрюккене), и потому его мастер-класс, проведенный в консерватории через два дня после концерта, был едва ли не интереснее основной акции. За советом к нему обратились четверо – “аутентист” Николай Должников с си-минорной сонатой Баха (той самой, что Максим играл в январе в БЗК, которой Венгерова и Любимов открыли нынешний концерт, представив публике Большого зала синий нагелевский клавесин); новоиспеченная победительница Московского конкурса им. Паганини Алена Баева (с Первой сонатой Брамса), воспитанница МГК Надежда Палицына (с баховской Чаконной) и маленький Рома Ким – виртуоз из ЦМШ, новая гордость первой учительницы Венгерова Галины Турчиновой.

Занятие с Ромой доставило и Максиму, и аудитории наибольшее удовольствие. Не по годам серьезный вундеркинд, давший фору старшим коллегам, был впечатлен тем, как звездный гуру на ходу извлек из музыки полонеза Венявского целый сюжет, подстегнув фантазию, пел, свистел, прыгал, бегал и перевоплощался в разные роли, уча быть актером. Два “маленьких Моцарта” – ребенок и взрослый – лучше всех поняли друга друга. Ведь для них жизнь в искусстве – это вовсе не работа и преодоление препятствий, а ежедневная “ода к радости”, череда радужных дней, проведенных в кругу друзей и родных.

Татьяна ДАВЫДОВА
Фото Эдуарда ЛЕВИНА

МУЗЫКА

Ода к радости

Культура. - 2004. - 16-22 дек. - с. 9

Максим Венгеров вернулся в Москву с подарками

“Нельзя, да и невозможно отделять художника от человека”, – полагал Иоганнес Брамс. Он знал, что говорил. Но не знал, что этому выражению найдется идеальный пример, а ему самому – такая родственная душа, как Максим Венгеров. Обладающий врожденным чутьем, он проник в самую глубину брамсовской музыки – прежде всего скрипичных сонат. Но, тонко улавливая и точно отвечая помыслам великого “утешителя”, Венгеров в своих интерпретациях являет и себя самого – художника и человека в том самом неразрывном единстве. Не потому ли брамсовские сонаты стали едва ли не центром его репертуара, что пришлились ему так “впору”? Все три сонаты он намеревался играть в Москве на первом сольном концерте в конце января (см. “Культуру” № 5 от 5 – 11 февраля 2004 года). Однако москвичам была предложена более разнообразная программа (Брамса разбавили Бетховеном и Бахом), и в этом была своя логика. Приехал

вновь в “родной город” (так он называет Москву, хотя родился в Новосибирске), Максим вновь переключил программу – и в этот раз отказался от Бетховена в пользу Брамса (звучали до-минорное скерцо и ля-мажорная соната).

Каков же человек-художник Венгерова? Что еще сообщает о нем его искусство, если принять техническую безукоризненность как нечто известное и само собой разумеющееся? Венгеров – пользуясь терминологией соционики, “этико-сенсорный экстраверт”. Его черты – пламенный темперамент, верность идее всей жизни, жизнелюбие и оптимизм, обращенные к людям. “Если небо – то рай, если земля – то любовь”. Он всегда в хорошем настроении, которое передает другим, ибо обладает мощной энергетикой.

Искусство для него – источник вечной осознанной радости. Потому каждая романтическая кантилена у него как омут любви, в который способен броситься пылкий юноша. Но

Максим достаточно здравомыслящ, чтобы понимать, насколько холодной может быть вода, и реалистичен, чтобы из вдохновенного рассказчика не перевоплощаться в главного героя. “Все должно быть довольно реально”, – говорит он о звуке. Но призывает искать во всем “духовный смысл”, суметь “выйти из тела”, когда играешь Брамса, и олицетворять себя “послом музыки с небес, приходящей на землю через композитора”.

Богатой палитрой эмоций он стремится пользоваться “по системе”. Например, если берется петь на скрипке (в такие минуты думаешь – а что, собственно, мне на ней делать?), а поет он действительно хорошо (кстати, у него и голос очень приятного тембра), то всегда отдает себе отчет, имеет ли дело с немецкой lied (тогда скрипке надо петь “на немецком языке”), итальянским bel canto, русской мелодией “широкого дыхания” или цыганским надрынным напевом.

(Окончание на 9-й стр.)

М. Венгеров и А. Любимов